№ 275 (370) Среда, 24 ноября 1943 года Цена 50 коп.

ЗА РОДИНУ

Короткая память

Дм. Рудин

Четверть века большевики огнем и мечом истребляли лучших сынов и дочерей нашего народа. Четверть века они делали все возможное и невозможное, чтобы поставить наш народ на колени перед кремлевской сворой. Лицемерно суля массам «счастливую жизнь» под сенью социализма, партийные и около-партийные холуи эксплоатировали крестьян, рабочих, трудовую интеллигенцию.

Подкармливая «своих», опираясь на обман и террор, большевики связали народ по рукам и ногам сетью шпионажа и предательства сексотов НКВД. Сталинские подручные не останавливались решительно ни перед чем, для выполнения своих дьявольских планов. Десять миллионов крестьян они уморили в начале 30-х годов для того, чтобы уцелевших загнать в колхозы. Мужчины и женщины, дети и старики умирали лютой голодной смертью на дорогах Украины, Белоруссии, Кубани. Вместо элементарной заботы о населении, большевицкие правители лихорадочно вооружались, развязывая силы очередной мировой войны, готовясь к броску на Европу.

Естественно, что наш народ всеми силами национального духа был враждебен большевизму. Отсюда кошмарный террор заплечников из всесоюзной Лубянки, позорная для страны система концентрационных лагерей, в которых томились и погибали миллионы лучших русских людей.

Сейчас, когда новые муки выпали на долю нашего народа, и потоки крови заливают нашу родину, многие начинают забывать беспросветную жизнь в годы мирного развития сталинского псевдо - социализма. У этих людей короткая память. Забыть сегодня о преступлениях большевиков против трудового народа — это, значит, лишить себя возможности освободиться от сталинского ига. Все разговоры о перемирии с большевиками во время войны являются либо сознательной провокацией, либо политическим ослеплением.

Пусть с большевиками заключают союз англо - американские плутократы. Они издавна привыкли загребать жар чужими руками, торговать чужой кровью. Но наш народ сам является объектом большевицкой эксплоатации и кровавого экспериментирования. Наш народ сам представляет собой ту силу, которою большевики хотят заслониться от германской армии. Неужели же у какого-нибудь честного русского человека хватит духу сказать, что рабочие и крестьяне, переодетые в красноармейские шинели, должны устилать своими трупами путь сталинской клике к мировому господству? Неужели люди, отцы которых погибли от голода 30-х годов, братья томятся в концлагерях, а жены и дети надрываются на военных заводах, неужели эти люди обязаны защищать большевизм?

Нет, и тысячу раз нет! Никакие разглагольствования о родине и патриотизме не могут принудить народ к защите той проклятой власти, которая долгие годы оскверняла страну, губила миллионы истинных патриотов. Разве в ужасах настоящей войны не виноваты сами большевики? Разве не они хвастливо бряцали оружием и грозились «бить врага на его территории», да еще «ворошиловскими килограммами»? И что же? В первые месяцы войны они оставили огромные территории, поджигая на бегу города и вытаптывая поля. А теперь? Теперь они льют крокодиловы слезы о том, что немцы уничтожают военные объекты, уходя из занятых областей. Вот уж, действительно, в пору вспомнить русскую пословицу: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала». Не Эренбургам и Алексеям Толстым расписывать разоренные страны, когда они первые вдохновляли большевицких поджигателей и предавали анафеме тех, кто оставался при немцах на своей земле.

Самый страшный враг русского народа — большевизм, изнутри пьющий народные соки. истощающий страну.

Освободившись от большевизма, наш народ построит достойную его жизнь. Единственное страшное препятствие к национальной свободе — это большевизм. Позорно поступают те, у кого короткая память, кто амнистирует большевиков, торгуется с историей.

Большевицкие агенты кое где пытаются еще раз обмануть слабых и колеблющихся.

Не выйдет!

Большевики сегодня такие же, как и вчера. Те, у кого оказалась короткая память, могут еще и еще раз убедиться, что ни в методах, ни в кровожадности энкаведисты, попадающие во вновь занятые Красной армией области, не уступают своим предшественникам, бежавшим из этих мест два года тому назад. Наоборот, они с особой энергией и садизмом расправляются с теми доверчивыми простаками, которые попали к ним в лапы. Да, — кто-кто, а большевики не стесняются напоминать народу о том, кем они являются в действительности.

Народный гнев, укрепленный политическим расчетом, обрушится, в первую голову, именно на этих выродков истории пытающихся выступать от имени нашей истекающей кровью родины.

Наступление у Киева

Советские атаки по всему фронту отбиты

Главная ставка Фюрера, 22 ноября

Верховное командование германскими вооруженными силами сообщает:

Северовосточнее Керчи советские войска предпринимали сравнительно слабые атаки, не имевшие успеха. Германский военноморской флот и авиация успешно боролись против советских попыток переправлять подкрепления и снабжение на свои предмостные укрепления через Керченский пролив. Потоплено пять нагруженных судов.

У никопольского предмостного укрепления и в большой излучине Днепра советские войска вели, по сравнению с предыдущими днями, более слабые атаки. Все атаки снова отражены, причем неприятель понес значительные потери. В успешных контратаках уничтожено несколько ударных групп неприятеля.

У Черкасс в упорных боях отражены советские атаки. Очищен участок местного вклинения, а пробившиеся советские части уничтожены.

В районе к западу от Киева германские войска, отразив советские контратаки, прорвали упорно оборонявшиеся полевые позиции, преодолели множество минных заграждений и, продолжая наступать, взяли важные отрезки территории.

На гомельском направлении неприятель попрежнему вел сильный натиск, в особенности в районе вклинения к юго-западу от города. Севернее Гомеля отражены повторные атаки и ограждены местные вклинения.

Западнее Смоленска советские войска, ввиду чрезвычайно тяжелых потерь, понесенных ими в этом районе, прекратили атаки.

Восточнее Витебска сильные советские атаки отбиты. В районе невельского вклинения велись оживленные боевые операции; неприятельские соединения отброшены назад контратаками, при чем уничтожено много советских танков.

За два последних дня неприятель на восточном фронте потерял 413 танков.

На южно-итальянском фронте артиллерийская перестрелка и операции разведывательных и ударных отрядов.

Соединение германских боевых самолетов, не взирая на неблагоприятные метеорологические условия, атаковало над Атлантическим океаном караван неприятельских судов и настолько повредило два торговых судна, водоизмещением в 18.000 брт., что их можно считать погибшими.

ШТУРМ ЖИТОМИРА

Блестящий успех германских контрмер

Сводка верховного командования сообщила о занятии города Житомира германскими войсками. Далее сказано, что германские дивизии, приступившие к контратаке в районе Киева, несмотря на упорное сопротивление противника, неблагоприятную погоду и трудно проходимую местность, успешно продвигаются.

Советское командование, начав прошлой зимой наступательную войну, не раз испытывало, что наступление — палка о двух концах. Сталину пришлось убедиться в том, что именно наступательные операции далеко не всегда протекают так, как это было решено по оперативной карте в штабе.

Весной с. г. у Харькова советское командование познало старую истину, что смелые наступательные маневры с обнаженными флангами можно предпринимать лишь тогда, когда имеется возможность быстро и отважно реагировать на все контрмеры противника. В конце марта сильные авангарды советских прорывных армий выкопали себе могилу именно в тот момент, когда они полагали решить исход всей кампании в свою пользу.

Когда недавно советские войска вломились в район днепровской излучины, создалась такая же ситуация. Германские контрмеры, предпринятые у Кривого Рога, не только остановили советское продвижение на юго - запад, но и разгромили быстроходные советские авангарды силой в пять армейских корпусов. Контрнаступление оказалось здесь весьма эфективным средством для борьбы с прорывающимся неприятелем, не обеспечивающим себя с флангов.

Когда советские войска 3-го ноября из района Киева перешли в наступление на запад, они желали провести крупную операцию по обхвату. Советские войска, вклинившиеся в Киевский район, натолкнулись на упорную германскую оборону, которая, однако, не повсюду была одинаковой. Советские войска нажимали преимущественно в тех местах, где германская оборона была слабее. Поэтому они направились на запад, прошли Житомир и продолжали свой марш в том же направлении.

Но сделало это советское командование не добровольно. Германская оборона с южной стороны прорыва была необычайно сильной. Чем дальше советские авангарды продвигались на запад, тем большей опасности они подвергали свое южное крыло. Приблизительно на линии Бердичев — Фастов стоял сильный германский оборонительный вал, скрывавший за собой не одну тайну. Тайна эта заключалась в германских оперативных резервах, про которые противник думал, что они уже давно иссякли.

Прошло известное время пока выкристаллизовались основы, на которых германское командование южной армии могло строить дальнейшие планы. Неприятель стоял западнее Житомира, его левое крыло было необычайно растянуто. Германское командование решило использовать это слабое место неприятеля, так как военное соединение находящееся в наступлении, особенно чувствительно именно в глубине своего фланга. Начав в таком месте контрнаступление, можно не только остановить продвижение неприятеля, но и поставить под угрозу весь его бронированный кулак.

В течение нескольких дней из формулировок германского командования следовало, что подготовка к контрнаступлению закончена. Контрудар начался против южного крыла советского вклинения. Он был направлен не только на южный фланг, но и на авангард советской наступательной группы, которая, таким образом, была связана во многих местах.

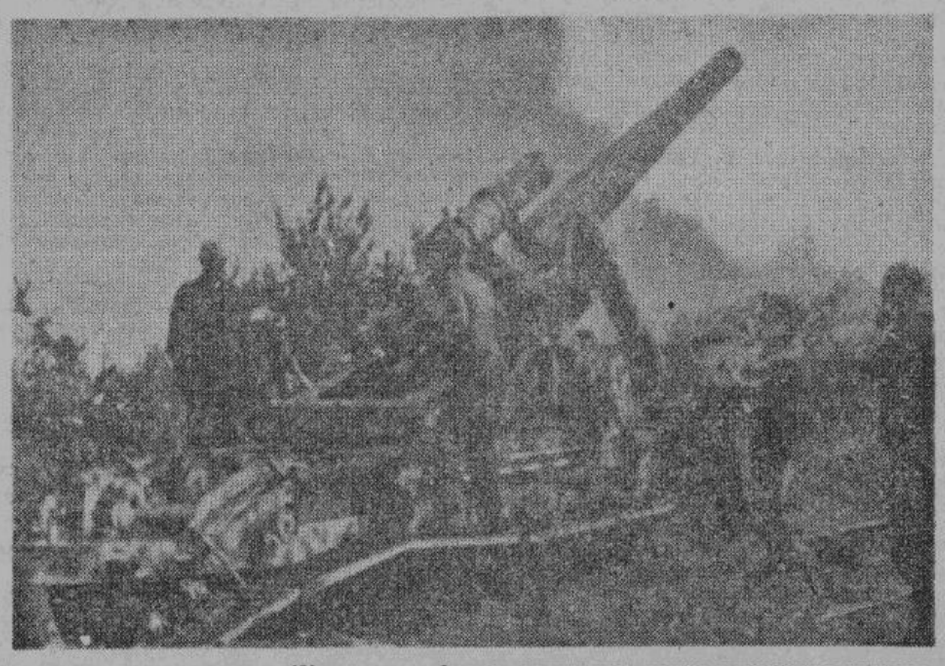
В последние дни германские части пришли в движение, начав крупную контроперацию. Она ведется преимущественно сильными танковыми соединениями. В тот момент, когда соединения германских танков ударили во фланг наступательному клину противника, последний живо реагировал на эту опасность, угрожавшую всей его операции. Он бросил навстречу германским войскам свои стрелковые полки, танковые бригады и многочисленные артиллерийские соединения.

Советские войска шли в бой до восьми раз в сутки. Но им не удалось воспрепятствовать тому, что германские войска продолжали занимать новую территорию. Германские контратаки принимали все более мощный характер и бои вскоре разразились у самого города Житомира, который, в конце концов, и был окружен.

В прошлую пятницу Житомир германскими войсками был взят приступом. Неприятель, таким образом лишился значительной части территории своего вклинения в районе Киева.

Контратака германских дивизий на этом не остановилась. Она продолжает развиваться, несмотря на то, что неприятель предпринял яростные отводные атаки в других районах, несмотря на дожди и осеннюю распутицу.

А. Климов.



В большом сражении за Житомир особенно отличилась также германская артиллерия. Во время контрударов по южному флангу неприятеля, она советским войскам нанесла значительный урон

Германские быстроходные катеры в морских операциях играют немаловажную роль. В боях за овладение островами в Эгейском море они активно поддерживали крупные единицы флота.

Успешное продвижение германских частей

Тяжелое поражение советских войск

Берлин, 23 ноября.

Неудавшаяся советская попытка — обойти с севера и юга большую днепровскую излучину, чтобы отрезать стоящие там германские силы, — превратилась в очень тяжелое поражение неприятельских армий, потерявших два полных танковых корпуса и, по меньшей мере, десять стрелковых дивизий.

Значительные успехи немецкого контрнаступления в районе Киева, являются убедительным доказательством непоколебимой ударной силы германской армии.

Несмотря на то, что советское командование спешно бросало в бой все новые соединения, дабы удержать территорию, полученную ценой чудовищных жертв, авангарды германских войск уже продвинулись на 60 километров к востоку от Житомира.

Двухтысячная победа авиационной части

Берлин, 23 ноября.

На северном участке Восточного фронта, одна из германских авиационных частей отметила уничтожение двухтысячного неприятельского самолета в текущем году. Этому успеху содействовали воздушные части авиации, достигшие 1401 попадания и зенитная артиллерия, сбившая 586 неприятельских самолетов. 13 самолетов было уничтожено на земле.

Большинство неприятельских самолетов сбито во время тяжелых оборонительных боев к югу от Ладожского озера, в районах Старой Руссы, Великих Лук и Невеля.

Повреждены английский крейсер и эсминец

Берлин, 23 ноября.

Неся патруль в области Додеканеза, германские соединения боевых самолетов обнаружили транспорт а глийских военных судов, повидимому, предназначенный для увоза рассеянных по побережью острова английских войсковых частей.

Несмотря на огонь неприятельской зенитной артиллерии, германские бомбовозы один легкий крейсер и один эсминец забросали многочисленными бомбами тяжелого калибра. Крейсер тяжело поврежден, а на эсминце уничтожены все зенитные орудия.

Германские самолеты на свои базы вернулись без повреждений.

США вытесняют Англию из Африки

Стокгольм, 23 ноября.

Как свидетельствует официальный доклад американского воздухоплавательного общества, ему, после долгой предварительной работы, удалось открыть транс-африканское воздушное сообщение по линии Наталь — Западная Африка — Судан — Египет. Прежде по этой линии летали исключительно английские самолеты, теперь же Америке и в этой области удалось вытеснить своего конкурента — Англию, которой молча пришлось согласиться на продолжение умаления своего влияния в собственных колониях.

Поборники ненависти

Буэнос-Айрес, 23 ноября.

Советский полпред в Мексике разразился потоком ядовитой брани, лучше всего свидетельствующей об истинном мировоззрении большевиков.

Он заявил «Мы не знаем чувства любви, а лишь ненависть. Мы должны быть беспощадны. Кто сегодня не испытывает желания убивать, недостоин звания человека».

Этот неприкрытый цинизм советского полпреда является лишним доказательством человеконенавистнического характера большевизма.

Гибель четырех армий

Поражения Чан-Кай-Ши в среднем Китае

Шанхай, 23 ноября.

Как сообщает японская ставка, военные операции в Среднем Китае закончились полным успехом. За время трехнедельного наступления, четыре чунцинских армии, численностью приблизительно в 85.000 человек, были полностью уничтожены. Тем самым расстроены планы противника — одновременно с попыткой занять Гупму — совершить нападение на области Среднего Китая.

73 чунцинская армия уничтожена в боях у реки Лисуя. Среди военных трофей японцев много оружия и другого военного материала.

Японцы потопили четыре судна

Токио, 23 ноября.

По сообщениям, поступившим из одного японского опорного пункта в южной части Тихого океана, силы японской военной авиации в Новой Гвинее, при налете на Финишгефен 19 ноября, потопили четыре транспортных неприятельских судна и тяжело повредили пятое.

Операции на Новой Гвинее

Токио, 23 ноября.

Наземные и воздушные операции на Новой Гвинее продолжаются.

Американцы свои неудачи в наземных боях пытаются возместить воздушными налетами, в которых подчас участвуют двести и более самолетов. Японцы отвечают тем же.

За три дня японцы шесть раз атаковали позиции неприятеля и сбили 179 самолетов противника.

Японские войска ведут яростные контратаки в районе Маданги и к югу от Финшгефена, в районе которого 19 ноября сбито 12 неприятельских самолетов из 15 нападавших и потоплено четыре десантных судна противника.

„Вперед на Дэли"

Токио, 21 ноября.

Глава временного правительства свободной Индии Субхаз Хандра Бозе произнес речь, в которой заявил, что интенсивный труд последнего времени уже принес богатые плоды. Индусская национальная армия, — сказал он, — увеличилась и укрепилась, а ее вооружение и обучение улучшились. Ее боевую мораль можно выразить лозунгом, исходящим из сердца каждого индусского солдата: «Вперед на Дэли!».

Обращение Бозе в рядах индусской национальной армии вызвало большое воодушевление.

Протест Швеции в Лондоне

Стокгольм, 23 ноября.

Шведское министерство иностранных дел сообщает: Шведские военные учреждения установили, что сброшенные на Лунд бомбы — английского происхождения. В связи с этим шведское министерство иностранных дел поручило своему представителю в Лондоне выразить английскому правительству энергичный протест.

Одновременно шведскому посланнику поручено заявить, что возмещение причиненных бомбардировкой убытков будет возложено на английское правительство.

„Ошибки“ воздушных пиратов

Берлин, 23 ноября.

В связи с бомбардировкой англо - американской авиацией шведского города Лунд, руководящая немецкая газета «Фелькишер Беобахтер» отмечает, что все города Швеции вечерами и ночью ярко освещены. Не может быть и речи о какой - либо случайности или ошибке со стороны плутократов.

Англо - американское командование утверждает, что ее авиация без разбора не бомбардирует ни одного города. Поэтому все подобные «ошибки» плутократические воздушные пираты стараются свалить на германскую авиацию.

Все англо - американские потуги такого рода, никакого успеха не имеют и лишь обличают гангстеров во лжи. Найденные осколки бомб и сбитые самолеты красноречиво говорят об их «плутократическом» происхождении.

Германский контрудар к западу от Киева

Уничтожено 247 советских танков

Главная ставка Фюрера, 21 ноября.

Верховное командование германскими вооруженными силами сообщает:

Северо - восточнее Керчи неприятель снова пытался расширить свое предмостное укрепление. В тяжелых боях он был отбит и, в результате меткого огня германской артиллерии и многократных воздушных налетов, понес тяжелые потери.

Многочисленные советские пехотные и танковые соединения, поддержанные крупными авиационными силами, перешли в атаку против Никопольского предмостного укрепления, а также к югу от Днепропетровска и северу от Кривого Рога. В упорных и ожесточенных оборонительных боях, а также мощными контратаками, германские войска отбили все неприятельские попытки прорыва и уничтожили 247 танков. 107 из них уничтожены на участке одного армейского корпуса.

Германское контрнаступление к западу от Киева, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, успешно продолжается.

В районе неприятельского вклинения к юго - западу от Гомеля, бои продолжаются с прежней ожесточенностью. Севернее Гомеля уничтожена окруженная группа советских сил.

Западнее Смоленска интенсивность операций заметно ослабела. Сравнительно слабые неприятельские атаки, как здесь, так и к югу от Невеля, успеха не имели.

К югу от Ладожского озера, частично, контрударами, отражены многочисленные советские атаки.

В южной Италии день в общем прошел спокойно; отмечена лишь оживленная артиллерийская перестрелка и операции разведчиков. Лишь в одном месте — на восточном участке фронта — происходили оживленные бои за германские авангардные позиции. Германские охранные части, после нанесения чувствительных потерь численно превосходящим силам противника, несколько раз переходившим в атаку, отведены за реку Сангро.

Ночные бомбардировочные налеты германских самолетов на цели в южной Англии вызвали много пожаров, в том числе также и в городе Лондоне.

Особенности авиалодок

Специальное назначение многомоторных самолетов

Военные сводки нередко сообщают об уничтожении авиалодок. В виду высокой стоимости и специального назначения самолетов этого типа, неприятель одно время пользовался ими только в исключительных случаях. Авиалодки обычно представляют собой весьма большую многомоторную машину, обладающую значительной мощностью и чрезвычайно сильным вооружением. Число моторов, обычно монтированных на крыльях, колеблется между тремя и четырьмя, мощность их достигает несколько тысяч лошадиных сил.

Экипаж состоит из шести, восьми, а то и десяти человек, а имеющий форму лодки корпус самолета допускает размещения в нем трех или четырех подвижных двойных пулеметов. Два или три пулеметных станка помещаются в носовой части самолета, в верхней средней части корпуса или по обе стороны его и, наконец, последний станок находится в кормовой части.

Новейшие английские летающие лодки типа «Сендерлэнд», «Мартин» или «Ларвик» снабжены даже малокалиберными пушками. Летающие лодки, нагруженные бомбами или торпедами до 700 кгр. весом, на высоте 2.000 метров способны развивать среднюю скорость в 340—360 клм. в час. Обычно ими пользуются для охраны побережья, для дальней морской разведки, а за последнее время очень часто и для охраны судов. Иногда им поручается и установка минных заграждений с воздуха.

В борьбе против авиалодок, германские вооруженные силы достигли больших успехов.

«Коршун»

Участники происходившего в Москве совещания «союзников», присутствовали, как сообщило Совинформбюро, на балете «Лебединое озеро» в Большом театре. Ложа, в которой восседали участники конференции, была разукрашена английскими, американскими и советскими флагами, публика появление высокопоставленных зрителей встретила аплодисментами, но почти никто не заметил, что государственный секретарь США, Корделль Хэлл, на спектакль не явился.

Может быть старик Хэлл заболел? Может быть он накануне так объелся икрой, что у него началась хроническая икота и он, из деликатности, не хотел мешать своим соседям слушать классическую музыку?

Ничего подобного! Отсутствие Хэлла на торжественном спектакле было отнюдь не случайным. Его отсутствие было своеобразной демонстрацией презрения к остальным участникам совещания. Его отсутствие носило символический характер, и если вы сомневаетесь в этом, — прочтите, что пишут англичане по поводу недавнего сообщения «Ассошиетед Пресс» о том, что Корделль Хэлл приехал в Москву без официальных правительственных полномочий и все его решения должны будут в дальнейшем ратифицироваться Сенатом США.

«Рузвельт не снабдил Хэлла необходимыми полномочиями, — пишут английские газеты, — совершенно сознательно. Сделал же он это для того, чтобы развязать своему представителю руки. Высказывая на заседаниях, якобы, только свои личные мысли, Хэлл, таким образом имел возможность более энергично, чем другие участники совещания, воздействовать на ход переговоров.»

Как видно, дело задумано очень тонко. Что же удивительного, если Хэлл совсем обнаглел и начал открыто подчеркивать свое особое и независимое положение...

Плавали и резвились глупые «лебеди» и не заметили, как кружился над ними «хищный коршун»...

П. Геродотов.

КАК БЫЛ ВЗЯТ ЖИТОМИР

Ночной бой на улицах города

Германский военный корреспондент — участник боев у Житомира — рисует захватывающую картину сражения за город, приведшего к большому успеху германского оружия.

Удар германских танков по южному флангу наступающих с востока советских войск для неприятеля явился большой неожиданностью. Все попытки советских частей выйти из создавшегося положения — потерпели неудачу. Первые германские танки упорным натиском ворвались в расположение противника. Разрывные бомбы германских самолетов и сокрушительный огонь танков смяли неприятельский фланг. Танковые бригады, прорвавшиеся к шоссе Киев — Житомир, отрезали советские части от важного пункта снабжения.

Утром 18-го ноября Житомир — цель германского наступления — был окружен. После полудня одной танковой дивизией было начато наступление вдоль Киевского шоссе.

Уже стемнело и лил сильный дождь. Кольцо вокруг города сомкнулось еще больше.

Германские войска рвутся к железнодорожной станции, расположенной на некотором расстоянии от города. По правую и левую сторонам шоссе продвигаются немецкие танки и гренадеры. Позиции советских войск — по краям дороги. Глубокие воронки от разрыва бомб затрудняют операции. Шаг за шагом германские части приближаются к станции. Противник упорно защищает подступы к городу. Навстречу, из всех скрытых темнотой домов, раздаются непрерывные выстрелы. Но ничто не в силах остановить германского наступления. Танки пересекают рельсы и въезжают в широкую пригородную улицу.

Наступлением руководит командир одной танковой дивизии. Его машина всегда впереди. Приказы генерала отвечают серьезности момента. Весь успех зависит от решимости и твердости руководства.

Карта района боев Житомир—Киев

Позиции неприятеля защищает большое число танков. На каждом углу улицы установлено тяжелое орудие. Почти ничего не видно, темноту прорезают только вспышки орудийных залпов. Ночной уличный бой требует напряжения всех сил. Каждый дом является препятствием, которое приходится брать штурмом. Каждый перекресток представляет собою поле битвы.

Всюду баррикады, воздвигнутые из бочек. В каждом саду, за забором — засады. Винтовочный огонь, пулеметные очереди. Обе стороны различают друг друга только в перекрестном огне. Всюду звон разбиваемого стекла и грохот рушащихся домов. Какая - то испуганная лошадь мечется в перестрелке и внезапно падает посреди улицы.

Бой идет всю ночь. В центр города клином врываются германские танки. Каждое советское гнездо, каждая баррикада оказывает отчаянное сопротивление.

К утру центральная часть города в немецких руках.

Наступление продолжается. Неприятель, сконцентрировавший сильные войсковые части, пытается удержать позиции.

«Победили воля и храбрость моих солдат», — сказал немецкий генерал после занятия Житомира. Сила воли и храбрость решат и исход войны.

„Один из наиболее сильных ударов“

Стокгольм, 23 ноября.

Английская газета «Дейли Телеграф» вынуждена признать, что германские войска у Житомира захватили важный участок территории.

«Германские части отнюдь не устали и не истощены», — пишет газета. Германский контрудар является одним из наиболее сильных и энергичных за время войны...

Это признание одной из руководящих лондонских газет весьма характерно для сегодняшнего настроения в Лондоне.

2,4 миллиона километров

Берлин, 23 ноября.

Автомашины германского транспортного полка бригады Шпеера, прикомандированного к одной из бронетанковых армий, на восточном фронте за последние три месяца проделали 2,4 млн. километров.

Неустанно, днем и ночью, часто под обстрелом неприятеля, водители на фронт доставляли боеприпасы и отвозили в тыл продовольствие и прочее снабжение из областей, находившихся под угрозой со стороны неприятеля.

„Дипломатический“ багаж

Париж, 23 ноября.

Из Танжера сообщают, что некий еврей—служащий, так называемого, польского генерального консульства в Алжире пытался перейти границу с тяжелым чемоданом. «Дипломат», однако, был задержан испанскими чиновниками, открывшими чемодан и нашедшими в нем 3 миллиона пезет, в банкнотах, 27 килограмм золота в слитках, а также много швейцарской валюты в монетах.

Контрабандная валюта переправлялась лже - дипломатом по поручению многочисленных еврейских коммерсантов. Вся находка реквизирована испанскими властями. Это, конечно, вызвало неистовый вой «пострадавших» дельцов, лишившихся плодов темных мошенничеств.

Беспорядки в Ливане продолжаются

Анкара, 23 ноября.

Несмотря на все успокоительные сообщения находящейся под французским контролем бейрутской радио - станции, беспорядки в Ливане не прекращаются. В Бейруте наблюдается большой недостаток в продовольственных продуктов, так как все базары и магазины закрыты.

На-днях против толпы демонстрантов было направлено несколько танков. Общее число убитых и раненых — весьма значительно. При попытке поджога в Траблусиамске арестовано 90 человек.

Характерно, что в переговорах между представителями английского правительства и голлистами о судьбе Ливана, не принимали участие представители местного населения.

Со всего света

Стокгольм. — Герцог Глостерский, брат английского короля, назначен генерал-губернатором Австралии. Этим шагом Лондон хочет подчеркнуть принадлежность Австралии к британской империи, вопреки тому, что австралийские войска находятся под командованием американского генерала Мэк Артура.

Мадрид. — Некий французский генерал в оккупированном англо-американцами Алжире, призывал подчиненных ему офицеров сохранять в душе верность маршалу Петэну. Генерал приговорен к заключению в крепость.

(Продолжение 15-ое)

В эти дни лагерной контр-атаки на урок я как-то встретил моего бывшего спутника по теплушке — Михайлова. Вид у него был отнюдь не победоносный. Физиономия его носила следы недавнего и весьма вдумчивого избиения. Он подошел ко мне, пытаясь приветливо улыбнуться своими разбитыми губами и распухшей до синевы физиономией.

— А я к вам по старой памяти, товарищ Солоневич, махорочкой угостите.

— Вам не жалко, за науку.

— За какую науку?

— А вот все, что вы мне рассказывали.

— Пригодилось?

— Пригодилось.

— Да мы тут всякую запятую знаем.

— Однако, запятых-то оказалось для вас больше, чем вы думали.

Ну, это дело плевое. Ну, что? Ну, вот меня избили. Наших человек пять на тот свет отправили. Ну, а дальше что? Побуйствуют, — но наша все равно возьмет: организация.

И старый пахан ухмыльнулся с прежней самоуверенностью.

— А те, кто бил, — те уж живыми отсюда не уйдут... Нет-с. Это уж извините. Потому все это — стадо баранов, а мы — организация.

Я посмотрел на урку не без некоторого уважения. В нем было нечто сталинское.

ПОДПОРОЖЬЕ

Тихий морозный вечер. Все небо — в звездах. Мы с Юрой идем в Подпорожье по тропинке, проложенной по льду Свири. Вдали, верстах в трех, сверкают электрические огоньки Подпорожья. Берега реки покрыты густым хвойным лесом, завалены мягкими снеговыми сугробами. Кое - где сдержанно рокочут незамерзшие быстрины. Входим в Подпорожье.

Видно, что это было когда-то богатое село. Просторные двухэтажные избы, рубленные из аршинных бревен, резные коньки, облезлая окраска ставень. Крепко жил свирьский мужик. Теперь его ребятишки бегают по лагерю, выпрашивая у каторжников объедки, селедочные головки, несъедобные и несъеденные лагерные щи.

У нас обоих — вызов в УРЧ. Пока еще не назначение, а только вызов. УРЧ — учетно - распределительная часть лагеря, он учитывает всех заключенных, распределяет их на работы, перебрасывает из пункта в пункт, из отделения в отделение, следит за сроками заключения, за льготами и прибавками сроков, принимает жалобы и прочее в этом роде.

Внешне — это такое же отвратное заведение, как и все советские заведения, не столичные, конечно, а так, чином пониже — какие-нибудь сызранские или царево-кокшайские. Полдюжины комнатушек набиты так же, как была набита наша теплушка. Столы из некрашенных, иногда даже и не обструганных досок. Такие же табуретки и, взамен недостающих табуреток, — березовые поленья. Промежутки забиты ящиками с делами, связками карточек, кучами всякой бумаги.

Конвоир сдает нас какому - то делопроводителю или, как здесь говорят, «делопупу». «Делопуп» подмахивает сопроводиловку.

— Садитесь, подождите.

По комнатушкам мечутся люди: кто ищет полено, на которое можно было бы присесть, кто умоляет «делопупа» дать ручку: срочная работа, не выполнишь — посадят. Но ручек нет и у делопупа. Делопуп же увлечен таким занятием: выковыривает сердцевину химического карандаша и делает из нее чернила, ибо никаких других в УРЧ не имеется. Землисто - зеленые, изможденные лица людей, сутками сидящих в этом махорочном дыму, тесноте, ругани, бестолковщине. Жуть.

Я начинаю чувствовать, что на лесоразработках было бы куда легче и уютнее. Впрочем, впоследствии так и оказалось. Но лесоразработки — это «конвейер». Только попади, и тебя потащит чорт его знает куда. Здесь все-таки как-то можно будет изворачиваться.

Откуда-то из дыма канцелярских глубин показывается некий старичек. Впоследствии он оказался одним из урчевских воротил, товарищем Наседкиным. На его сизом носу — перевязанные канцелярской дратвой железные очки. Лицо в геммороидальных морщинах. В слезящихся глазках — добродушное лукавство старой, видавшей всякие виды канцелярской крысы.

— Здравствуйте. Это вы — юрист с Погры? А это — ваш сын? У нас, знаете, две пишущих машинки; только писать не умеет никто. Работы вообще масса. А работники... Ну, сами увидите. То-есть, такой неграмотный народ, просто дальше некуда. Ну, идем, идем. Только вещи-то с собой возьмите. Сопрут, обязательно, сопрут. Тут такой народ, только отвернись — сперли. А юридическая часть у нас запущена — страх. Вам над ней крепко придется посидеть.

Следуя за разговорчивым старичком, мы входим в урчевские дебри. Из махорочного тумана на нас смотрят жуткие кувшинные рыла, какие-то низколобые, истасканные, обалделые и озверелые. Вся эта губерния неистово пишет, штемпелюет, подшивает, регистрирует и ругается.

Старичек начинает рыться по полкам, ящикам и просто наваленным на полу кучам каких-то «дел», призывает себе в помощь еще двух канцелярских крыс, и, наконец, из какого - то полуразбитого ящика извлекаются наши «личные дела» — две папки с нашими документами, анкетами, приговором и прочее. Старичек передвигает очки с носа на переносицу.

— Солоневич Иван... так... образование... так, приговор, гм, статьи...

На слове «статьи» старичек запинается, спускает очки с переносицы на нос и смотрит на меня взглядом, в котором я читаю

— Как же это вас, милостивый государь, так угораздило? И что мне с вами делать?

— Дело ваше хозяйское.

Я понимаю: положение и у старичка, и у УРЧ'а — пиковое. С контр-революцией брать нельзя, а без контр-революции — откуда же грамотных взять? Старичек повертится - повертится и что-то устроит.

Очки опять лезут на переносицу, и старичек начинает читать Юрино дело, но на этот раз уже не вслух. Прочтя, он складывает папки и говорит:

— Ну, так значит, в порядке. Сейчас я вам покажу ваши места и вашу работу.

И, наклоняясь ко мне, — шопотом:

— Только о статейках ваших вы не разглагольствуйте. Потом как-нибудь урегулируем.

НА СТРАЖЕ ЗАКОННОСТИ

Итак, я стал старшим юрисконсультом и экономистом УРЧ'а. В мое ведение попало пудов тридцать разбросанных и растрепанных дел и два «младших юрисконсульта», один из коих, до моего появления на горизонте, именовался старшим. Он был безграмотен и по старой, и по новой орфографии, а на мой вопрос об образовании ответил мрачно, но мало вразумительно:

— Выдвиженец.

Он — бывший комсомолец. Сидит за участие в коллективном изнасиловании. О том, что в советской России существует такая вещь, как уголовный кодекс, он от меня услышал в первый раз в своей жизни. В ящиках этого «выдвиженца» скопилось около 4.000 (четырех тысяч!) жалоб заключенных.

И за каждой жалобой — чья-то живая судьба...

Мое «вступление в исполнение обязанностей» совершилось таким образом:

Наседкин ткнул пальцем в эти самые тридцать пудов бумаги, отчасти разложенной на полках, отчасти сваленной в ящики, отчасти валяющейся на полу, и сказал:

— Ну, вот, это, значит, ваши дела. Ну, тут уж вы сами разберетесь — что куда.

И исчез.

Я сразу заподозрил, что и сам-то он никакого понятия не имеет «что — куда», и что с подобными вопросами мне лучше всего ни к кому не обращаться. Мои «младшие юрисконсульты» как-то незаметно растаяли и исчезли, так что только спустя дней пять я пытался было вернуть одного из них в лоно «экономическо - юридического отдела», но от этого мероприятия вынужден был отказаться: мой «пом» оказался откровенно полуграмотным и нескрываемо бестолковым парнем. К тому же его притягивал «блат»— работа в таких закоулках УРЧ, где он мог явственно распорядиться судьбой — ну, хотя бы кухонного персонала — и поэтому получать двойную порцию каши.

Я очутился наедине с тридцатью пудами своих «дел» и лицом к лицу с тридцатью кувшинными рылами из так называемого советского актива.

А советский актив — это вещь по серьезнее ГПУ.

ОПОРА ВЛАСТИ

«Приводной ремень к массам»

Картина нынешней российской действительности определяется не только директивами верхов, но и качеством повседневной практики тех миллионых «кадров советского актива», которые для этих верхов и директив служат «приводным» ремнем к массам». Это — крепкий ремень. В административной практике последних лет двенадцати этот актив был подобран путем своеобразного «естественного отбора», спаялся в чрезвычайно однотипную прослойку, в высокой степени вытренировал в себе те — вероятно, врожденные — качества, которые определили его катастрофическую роль в советском хозяйстве и в советской жизни.

Советский актив — это и есть тот загадочный для внешнего наблюдателя слой, который поддерживает власть крепче и надежнее, чем ее поддерживает ГПУ, единственный слой русского населения, который безраздельно и до последней капли крови предан существующему строю. Он охватывает низы партии, некоторую часть комсомола и очень значительное число людей, жаждущих партийного билета и чекистского поста.

Если взять для примера — очень, конечно, неточного,—аутентичные времена Угрюм Бурчеевщины, скажем, времени Аракчеева, то и в те времена страной, т. е. в основном — крестьянством, правило не третье отделение и не жандармы и даже не пресловутые 10.000 столоначальников. Функции непосредственного обуздания мужика и непосредственного выколачивания из него «прибавочной стоимости» выполняли всякие «незаметные герои», вроде бургомистров, приказчиков и прочих, действовавших кнутом на исторической «конюшне» и «кулачищем» —во всех иных местах. Административная деятельность Угрю Бурчеева прибавила к этим кадрам еще по шпиону в каждом доме.

Конечно, бурмистру крепостных времен до активиста эпохи «загнивания капитализма» и «пролетарской революции» — как от земли до неба. У бурмистра был кнут, активиста — пулеметы, а, в случае необходимости, — и бомбовозы. Бурмистр изымал от мужицкого труда сравнительно ерунду, активист — отбирает последнее. «Финансовый план» бургомистра обнимал в среднем нехитрые затраты на помещичий пропой души, финансовый план активиста устремлен на построение мирового социалистического города Непреклонска, и, в этих целях, на вывоз заграницу всего, что только можно вывезти. А так как, по тому же Щедрину, город Глупов (будущий Непреклонск) «изобилует всем и ничего, кроме розог и административных мероприятий, не потребляет», отчего «торговый баланс всегда, склоняется в его пользу», то и внимание на экспорт идет в размерах, для голодной страны поистине опустошительных.

(Продолжение следует)

ЖИЗНЬ В НОВОЙ РОССИИ

Награда достойным

Участие русских к судьбе беженцев

Генерал - комиссар Литвы в воздаяние заслуг активного участия в деле размещения русских беженцев в Литве наградил бронзовой медалью референта Бюро Поверенного по беженским делам Н. Э. Мазинга и начальника ковенского беженского пункта В. Н. Маккавейского (самого беженца из Орловской губернии). Ордена были вручены в присутствии поверенного по делам русского населения 6-го ноября с. г. начальником административного отдела при Генерал-Комиссаре фон Фричем. По имеющимся сведениям в ближайшее время будут награждены и еще некоторые русские деятели, по зову Поверенного активно принявшие участие в деле устроения беженцев.

ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Гатчина

Городская библиотека в Гатчине открыта по будням с 7 до 15 часов. В библиотеку прибыло много новых книг.

*

Детский приют в Гатчине переведен в новые просторные помещения на Майницевской улице. Девочки и мальчики размещены в отдельных зданиях.

СПЕКТАКЛЬ-ВАРЬЕТЭ

Гатчина

15 ноября в Гатчине в помещении кинотеатра на Шверинской улице состоялся спектакль второго ансамбля-варьетэ гатчинского городского театра под руководством известного эксцентрика Шаквелля. Участвовали также, певица Нурм и певец Бочаров.

Особенный успех имели эксцентрик Шаквелль и танцовальная пара Кузнецова-Петров. Надо, однако, заметить, что часть молодежи во время спектакля вела себя не вполне дисциплинированно.

ПАРАД БЕЛОРУССКОГО БАТАЛЬОНА

Слоним

В Слониме недавно состоялся парад белорусского батальона. Роты и эскадроны парадным маршем прошли перед представителями германских властей. Своей образцовой выправкой молодые солдаты вызвали восхищение зрителей. После парада они, под звуки боевых песен, прошли по улицам города.

ВЕЧЕР ПЕСЕН И ПЛЯСОК

Слоним

В Слониме, в помещении Народного Дома, состоялся вечер песен и плясок. В спектакле приняли участие кружки балета при Народном Доме, учащаяся молодежь и солисты. Эти выступления произвели на зрителей очень отрадное впечатление и исполнители неоднократно вызывались на бис.

КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛИТВЫ

С разрешения Генерал-Комиссара Литвы, 17 ноября с. г. в Ковно состоялась конференция представителей русского населения для обсуждения наиболее актуальных вопросов, касающихся русских в Литве. Эта конференция имела всеобщее значение, так как на ней выявился голос русского народа, включившегося во всемирно - историческую борьбу с врагом человечества и прежде всего нашим национальным врагом — большевизмом.

ХИРОТОНИЯ ВАРШАВСКОГО АРХИМАНДРИТА ФЕОФАНА

Власти генерал-губернаторства выразили согласие на возведение архимандрита Феофана (Протасевича), члена Русского Комитета в Варшаве, в сан епископа.

Он будет назначен на кафедру викарного епископа Варшавско-Радомской православной епархии.

„Нам не доверяют“

Рассказ перешедшего линию фронта

— В Красной армии я занимал должность помощника командира взвода и, повседневно сталкиваясь с красноармейцами, знаю их настроения, их разговоры. Для Красной армии эти разговоры и настроения — нехорошие. Надо прямо сказать, что в победу никто не верит, все от войны устали и ждут не дождутся ее конца. Красная армия держится исключительно на терроре: если полк идет в наступление, то сзади непременно наблюдает за поведением красноармейцев заградительный батальон. Малейшее отклонение красноармейцев от общей линии фронта влечет за собою пулю в спину; красноармейцам не доверяют: даже в наряды не отправляют поодиночке, а непременно вдвоем или втроем, причем один — непременно партийный.

— Красноармейцы получают из дома письма настолько безотрадные, что их настроение падает еще больше. В этом году было засеяно всего лишь от 30 до 45 процентов засеявшейся площади в мирное время; весь урожай подлежит сдаче, а убран ли он весь — сомнительно, так как в деревне (в колхозах) нет рабочих рук и скота. Налоги же и поборы неимоверные. В связи с этим, например, в Пензенской области, пуд хлеба доходит до 3000 руб. Откуда же у крестьян хлеб? — Несмотря на все строгости советского законодательства, идет повсеместное хищение урожая, и, несмотря на то, что сами колхозники голодают, они все-же вынуждены и это украденное продавать, так как им надо платить неимоверные налоги, принудительные отчисления на заем, на постройку танковых колонн и проч. Скота у колхозников почти вовсе нет. Все эти сведения не могут веселить красноармейцев и поднимать у них боевой дух. Неплатеж налогов ведет за собой расправу военного трибунала.

— За последнее время этот дух еще больше упал, так как питание красноармейцев значительно ухудшилось. Красноармеец получает теперь в день 800 гр. хлеба, 100 гр. крупы и суп из свекольной ботвы. До конца июля выдавались американские мясные консервы, но теперь эта выдача прекращена. Хлеб-же выдается очень плохой, так как требуется официально 65-процентный припек, а это значит, что хлеб выдают сырой и мало съедобный. Это указывает также на все ухудшающееся положение с продовольствием в стране. В конце июля я был в Ленинграде — по служебному поручению — был на швейной фабрике имени Володарского, на Мойке. Там работают по пошивке военного обмундирования 300 женщин; все они отекшие и только говорят о том, чтобы поскорее кончалась война; большинство еле работает от отсутствия сил. Между прочим, красноармейцам разговаривать с гражданским населением официально запрещено.

Вот почему, несмотря на все трудности, красноармейцы стараются перебежать на эту сторону. Перебежать бывает очень трудно, но, тем не менее, за последнее время на ленинградском фронте наблюдается большое количество перебежчиков. Я лично пытался несколько раз перебежать, но мне все не удавалось. В начале августа я воспользовался уходом командира на занятия и, сделав соответствующие распоряжения по взводу, которые обеспечивали мой побег, вместе с одним красноармейцем, с которым мы сговаривались уже раньше, перешел расстояние, отделявшее нас от линии немецких войск. Немцы нас встретили очень хорошо и мы сразу же пользовались полной свободой.

— В Красную армию все больше и больше проникают сведения о русском освободительном национальном движении в освобожденной России, о создании Русской Освободительной Армии. Это вызывает в широких массах красноармейцев определенное сочувствие, но, повторяю, переход на эту сторону очень затруднителен. Сталина и советское правительство ненавидит и народ, и красноармейцы, и никакой популярностью они не пользуются, а держатся только страхом и принуждением. Некоторые территориальные приобретения Красной армии за это лето и осень, при потере громадных масс живой силы и техники, никого не радуют и духа не поднимают; красноармейцы рассматривают это кровопролитнейшее наступление, как акт отчаяния и говорят, что немцы нарочно завлекают Красную армию с тем, чтобы нанести ей потом непоправимый урон.

— А урон этот, действительно, непоправим, так как резервов нет. Пополнение убыли в Красной армии идет за счет выздоравливающих раненых, которые поступают обратно в части в ужасном состоянии. Отсутствие трех пальцев на левой руке или ограниченная подвижность суставов рук не принимается во внимание и такие бойцы считаются полноценными бойцами. Получается колесо, но это колесо все время уменьшается в объеме. Я знаю, например, что на Волховском фронте были разбиты 8-ая и 56-ая дивизии; из двух дивизий сделали одну, но укомплектованные такого рода инвалидами, эта «новая» дивизия была также разбита. Вопрос с резервами — чрезвычайно больной вопрос, так как мужчины мобилизовались все до 55 лет, а бездетные женщины — до 45 лет. Женщины обслуживают зенитные батареи и даже некоторые пулеметные части, а также выполняют караульную службу в тылу. Мобилизовать, фактически, больше некого; поэтому урон в людском составе, который сейчас несет Красная армия, покрыть нечем.

— Тяжело обстоит дело и с лечением больных и раненых. Отсутствует перевязочный материал, даже бинты, а также многие медикаменты. Врачи и средний медицинский персонал иногда и рады бы помочь раненому или больному красноармейцу, но ничего не могут сделать. Это не только на фронте, но и в тылу, в больницах и госпиталях Ленинграда и Москвы, не говоря уже о провинции. Таким образом, много раненых и больных погибает или излечиваются неполноценно, тогда как, при нормальных условиях с медицинскими материалами и медикаментами, результаты были бы совершенно иными. Общее положение можно характеризовать, как необычайную разруху, которая не изживается, а углубляется, и над которой властвуют террор и страх.

— За это время я познакомился с состоянием и снабжением германской армии и оно не может даже сравниваться с тем, что имеется по ту сторону фронта. Надо вещи называть своими именами: «советский рай» идет на всех парах к неизбежной катастрофе. Вопрос только во времени. Время же работает не на пользу большевиков, несмотря на все их хвастливые речи.

Аль-Пэ.

О поздних сожалениях

Из опыта наших отношений к окружающим

Сколько трагизма заключено в слове «непоправимость». В нем — целый мир страданий, мучительная гамма скорби, начиная от поздних и горьких сожалений до отчаяния и непрерывной, грызущей боли. В большей или меньшей степени это чувство знакомо всем. Если можно себе представить муки ада, то они несомненно вмещают страдания не только за наши грехи и преступления, но и за то, что должно было быть сделано, но что сделано не было. Как часто у людей вырываются вопли: «Ах, если бы только можно было вернуть!» И тогда непоправимость встает во всей своей обнаженности и причиняет нестерпимую душевную боль.

От чего же происходит это? Причина лежит в нашем нервно-торопливом, преступно-рассеянном пробегании жизни. Мы не умеем слушать других людей, так как заняты только мыслями о себе. Мы не видим людей по-настоящему, потому что не всматриваемся в них, да и не хотим этого. Мы не знаем и наших близких, даже в том случае, если живем с ними вместе в течение долгой жизни. Жены не знают своих мужей, мужья жен, родители детей. Наши отношения поверхностны, неглубоки. Точно также мы поспешно судим о другом человеке и, придя к определенному мнению, остаемся при нем, не стараясь его проверить.

Отсюда происходит большое обеднение нашей же собственной жизни. Отсюда — и трагические ошибки, о которых приходится потом горько вздохнуть.

Над этим следовало бы задуматься каждому. Кто-то мудро сказал: «Надо обращаться с каждым человеком так, как если бы мы знали, что его завтра не станет». В этом случае мы наверное нашли бы ласковые и сердечные слова, внимательней всмотрелись бы в человека и, быть может, увидели то, чего не замечали раньше. Как часто мы угадываем скрытую боль в другом человеке, знаем ее причины, но нам некогда остановиться в своей мышиной беготне, недосуг уделить время для беседы. А потом, когда этот человек погибает, мы невольно вспоминаем о своем безучастии и жалеем о нем. А сколько горьких вздохов вырывается у человека после смерти близких! Сколько заслуженных упреков он посылает себе за многое!

Все это знают, и все-же не поступают, как должно. Что же следует делать, чтобы изменить это? Прежде всего надо приучить себя и подрастающее поколение спокойно и внимательно оценивать каждый прожитый день. Полезно спросить себя: что было сделано хорошего за этот день? Что было дурно, неправильно и почему? Какие были разговоры и встречи? Что вообще принес этот день, или же он прошел бессмысленно и пусто?

Ведь очень многое, что мы называем «мелочами», при более серьезном рассмотрении окажется чрезвычайно важным. При такой проверке многое всплывает, как из тумана, останавливая нашу мысль и заставляя пережить минувший день в свете совести.

Почему, например, бывают так целительны путешествия? Потому, что тогда человек отрывается от своей повседневной жизни, — ему не приходится ни лгать, ни притворяться перед собой или другими, ни создавать иллюзий чувств, которых на самом деле нет. Он яснее представляет себе все, что руководит его жизнью и смысл своих отношений к людям. Находясь в кругу этих людей и событий, он зачастую не может правильно осветить и понять их. Но когда человек остается один, ему многое становится ясным и, прежде всего, собственные ошибки. Всякий раз, когда человек на ложе болезни или перед смертью впервые останавливает свое внимание на прожитом, то жизнь встает в новом свете и он глубже познает ценность или бессмысленность ушедших дней.

Но такие остановки мы можем создавать себе ежедневно, после каждого пройденного дня. Наша жизнь — гигантский клубок, сотканный из добра и зла, и надо часто останавливаться, чтобы разобраться в нем и найти разумное начало и утешительный конец.

Е. Сергеева.

Дружная работа

(Путевые заметки нашего корреспондента).

Слева, кажется совсем близко, стелется ровный покров Лужской бухты Финского залива. Впереди, по обе стороны шоссейной дороги, выглядывают домики, в большинстве аккуратные, напоминающие строения пригородного поселка.

Деревня Юганово, Котельского района, до войны жила на привозном хлебе. Со своей земли урожай снимался низкий, а потому жители занимались тут главным образом рыболовством. Теперь же только 10 человек из деревни занимаются рыбным промыслом круглый год, не прекращая этой работы и летом.

— Нравится вам ваше занятие? — спрашиваем у рыбаков.

—Еще бы! Море — наш кормилец с давнишних пор.

Пробуем заговорить об особенностях промысла, о погоде, способствующей и мешающей улову.

—Пока плохо ловится рыба, а вот скоро холоднее станет, тогда дело пойдет значительно лучше. Салака, ведь, из которой готовятся вкусные шпроты, пойдет позже.

— Но тогда же наступят холода и морозы.

— Нам не холод и мороз страшны зимой, а теплынь, — улыбаются рыбаки. — Страшно, когда не замерзает море, а зимой-то — самый богатый лов. И в любой мороз станет жарко, когда потянешь полную сеть.

Военное время ограничивает занятие рыбной ловлей.

Теперь рыбаки основное внимание уделяют сельскому хозяйству.

В Юганово 43 хозяйства. Посев озимых хлебов в этом году, увеличен более чем на 30 проц. Заботливое отношение к хозяйству и обильный урожай обеспечили хлебом как самих тружеников, так и их семьи.

Семидесятилетний старик, Михаил Герасимов, — чей домик ласкает взгляд гладкими досчатыми стенами, выкрашенными голубой краской — и у которого 4 гектара земли, лошадь, 2 коровы, старательно обработал свой участок, и земля воздала ему должное. Герасимов расчитался натурой с государством. Хлеба у него хватит до нового урожая.

С Герасимовым состязается его сосед, Александров. В его хозяйстве больше рабочих рук. Из трех его сыновей, побывавших в ссылке «за связь с заграницей», двое работают теперь при отце: Влас — рыбачит круглый год, Павел — по сельскому хозяйству. Они обрабатывают 5 гектаров земли, имеют лошадь, корову, коз и овец.

Дружная работа в большом семействе спорится. Доходы от хозяйства дали возможность построить для Павла новый дом, на 2 комнаты.

— Конечно, — заканчивает мой собеседник, — нам живется уже легче. Века жили на привозном хлебе, с моря. Теперь же многих кормит свое поле, давшее хороший урожай.

О. Викторов.

Юные друзья мои!

Несколько дней тому назад группа сотрудников нашей газеты посетила места, в которых теперь живут переселенцы с прифронтовой полосы.

В частности, мне пришлось встретиться с ребятами школьного возраста, прибывшими сюда вместе с родителями. Большинство их теперь уже продолжает школьные занятия, как и раньше, готовят уроки, читают книги, словом, ведут обычную для их юного возраста жизнь.

Во время нашей, довольно продолжительной беседы, было затронуто много всевозможных тем, интересующих ребят и задано ими не мало вопросов. Среди них мне запомнился такой:

— Скажите, — сказал вдруг один шустрый мальчик, — что это за день, девятое ноября. Мы недавно читали в газете речь Гитлера, а сверху над речью написано «Накануне девятого ноября», почему так?

Когда я вкратце ответил, чем этот день знаменателен, некоторые ребята все-таки не удовлетворились ответом. Стали задавать новые вопросы:

— А как же это произошло? Где это было? Как этот день празднуют теперь?

На мой взгляд это очень хорошо, что мои юные собеседники так живо заинтересовались событием, имевшим большое значение для жизни другого, незнакомого им, народа.

Конечно, в русской истории есть очень много важных событий и таких знаменательных дат, которые живут и будут жить века и тысячелетия.

Но, интересуясь прошлым своего народа, нельзя быть совершенно нелюбознательным по отношению к истории, к жизни, героическим делам других народов. Тот человек, который знает весь мир, гораздо ценнее и интереснее того, который в познаниях своих ограничен одним лишь местом или одной страной.

Итак, любознательность ребят, по моему достойна похвалы и подражания.

Удовлетворяя любопытство их, и, возможно, многих других, я решил дать сегодня материал о памятном для германского народа дне девятого ноября.

Это рассказ одной матери, которая повествует своим детям об этом знаменательном событии.

Незабываемый день

Чем лучше человеку, тем больше он хочет иметь. Разве это не правда? Дай вам только кусочек шоколада, как вы сейчас уже начинаете клянчить еще, пока не съедите весь мешочек и, наконец, выражаете еще неудовольствие: «А разве больше у тебя нет?» Взрослые должны быть благоразумными, но, к сожалению, это редко бывает. А потому наш Вождь решил: раз в год мы должны вспомнить, кому мы должны быть благодарны за то, что нам стало лучше жить. Раз в год мы должны вспомнить о тех злых временах, которые лежат уже позади нас, о тяжелой поре нашей Родины. Раз в год все должны собраться в одном определенном месте, переговорить между собою и посмотреть друг другу в глаза, думая о том, как до сих пор и дальше они будут работать сообща, как верные друзья. Первые, погибшие за Адольфа Гитлера и за Германию, были шестнадцать человек, которые были убиты в Мюнхене у галлереи Полководцев 9-го ноября 1923 года.

Тогда они со многими другими мирно шествовали по Мюнхену, чтобы показать народу: «Мы здесь, мы хотим вам помочь!» Противники вождя обстреляли это шествие. Шестнадцать человек было убито, Адольф Гитлер со своими друзьями был арестован и посажен в крепость Ландсберга. Кроме этих шестнадцати тогда погибли еще некоторые штурмовики. Злые люди посягали на их жизнь только потому, что они были верны Адольфу Гитлеру и его слушались. Этих мертвых и приказал Адольф Гитлер вспоминать каждый год 9-го ноября. «Они не должны быть забыты! Они должны учить нашу молодежь».

Теперь слушайте, как праздновалось каждый год 9-ое ноября. Накануне вечером в большой зале пивной собирались вместе все те люди, которые принимали участие в шествии в 1923 году в Мюнхене. Также происходило, ведь, и в 1933 году. Но теперь у всех было другое настроение! Они праздновали радостную встречу, сердечно пожимали друг другу руки и бесконечно продолжалась беседа. Некоторые из них состояли ближайшими помощниками Вождя и занимали в Германии первые места. Среди них сидят и другие участники тогдашнего шествия. Они остались теми же, чем были раньше: рабочими фабрик, торговцами или ремесленниками, попрежнему продолжавшими свою работу. У всех красовался на груди орден на красной ленте, пожалованный им Адольфом Гитлером. Он называется орденом крови, в знак того, что они готовы тогда были пролить свою кровь за Вождя и Германию.

Потом к ним приходит Вождь, и в ту минуту огромный зал дрожит от громких приветствий, — кажется, что стены вот-вот рухнут. Адольф Гитлер не может быстро пройти вперед, так как со всех сторон к нему тянутся руки; все верные, старые друзья хотят пожать ему руку, посмотреть в глаза и сказать: «Мы верны тебе сегодня также, как и тогда, когда ты еще не был государственным канцлером и тебе приходилось бороться!» Наконец, ему удается добраться до кафедры, с которой он и обращается к своим друзьям. Он напоминает им о прошлом и о первом 9-ое ноября 1923 года. Тогда, после выстрелов у галлереи Полководцев в Мюнхене, когда были убиты 16 человек, казалось, все было потеряно! И все-таки на крови этих храбрецов начало расти наше новое Германское Государство, подобно тому, как из маленького ростка выростает большое дерево.

Несчастье и тяжелый удар не всегда причиняют вред. Нельзя терять только мужества, надо оставаться бдительным и готовым себя защищать! Я, конечно, не могу вам рассказать всего того, что он говорил. Надо его самого слушать, так как никто другой не может трогать человеческие сердца, как он. Во всяком случае, вечер в пивной в Мюнхене закончился весельем и большою радостью — все были счастливы, что им удалось снова видеть своего Вождя и слушать его.

На следующий день в красивом городе Мюнхене состоялось самое большое в году празднество. И все-таки это был самый серьезный и спокойный день. Почему? А потому, что в этот день мы вспоминаем мертвых, отдавших свою жизнь за Германию. Все те улицы, по которым Адольф Гитлер в 1923 году маршировал со своими людьми, разукрашены. Поперек улиц натянуты темно-красные флаги со свастикой и другие старинные немецкие знаки и ленты с надписями. Начиная с пивной, оттуда двинулось историческое шествие до галлереи Полководцев на улицах стояли колонны. Наверху каждой колонны пылали в чашах огни. На каждой колонне написано имя одного из погибших, и огонь торжественно и тихо подымался в память его в сумрачный осенний день. В 12 часов дня приезжает Вождь и становится среди своих друзей. Никто из них в этот день не надевает красивой формы и много орденов, — нет, они, как в тот день одеты в скромные коричневые рубашки с орденом крови на красной ленте. Они шествуют без шапок. Впереди несут старое знамя, которое в 1923 году также несли впереди шествия. Это окровавленное знамя, священное для всех национал-социалистов. За ним шествует Вождь со своими ближайшими друзьями. Среди них — Герман Геринг, который был у галлереи Полководцев тяжело ранен. Дальше — другие люди, шедшие тогда с ними.

Каждый год 9-го ноября они шествуют той же дорогой, которой шли и тогда. По тротуарам стоят тысячи людей. Они все хотят участвовать в торжестве. Это шествие двигается без всяких ликований и выкриков, как это бывает обыкновенно при появлении Вождя, — оно идет безмолвно, тихо. На улицах установлены громкоговорители. По ним передаются имена четырехсот погибших за Адольфа Гитлера и Германию. Наконец, шествие приходит на площадь перед галлереей Полководцев. Еще несколько лет тому назад раздались выстрелы и пали храбрые и верные друзья Гитлера. Там поставлен простой, красивый памятник. На обыкновенной плите перечислены имена погибших. Над ним парит орел. У подножия этого памятника Вождь всегда возлагает большой, великолепный венок. На этом месте в 1923 году шествие было задержано и наступил трагический конец. Теперь же оно продолжает итти дальше! Оно проходит через светлую, широкую площадь и красивую улицу, и достигает Королевской площади, устроенной много лет тому назад, баварским королем. Адольф Гитлер, при помощи своих лучших архитекторов, увеличил ее и сделал еще более красивой. Вся огромная площадь уложена светлыми каменными плитами. В двух углах ее стоят великолепные, большие дома. В одном из них находится канцелярия партии, где работает Вождь, когда бывает в Мюнхене, и дом этот называется управлением Вождя.

Но сам он живет в той же квартире, в которой жил и раньше. Он всегда жил просто, без блеска и пышности, и ничего не хочет менять.

Теперь слушайте дальше. Между этими двумя большими постройками Адольф Гитлер воздвигнул два храма. Стены их состоят только из колонн, и крыша не закрывает неба. Когда вы поднимаетесь на несколько ступеней, вы попадаете на широкую дорогу, лежащую между колонн, и тут вы видите для чего построены эти храмы. Под ним покоятся гробы шестнадцати героев, расстрелянных у галлереи Полководцев. Несколько лет тому назад Адольф Гитлер приказал собрать их, чтобы они находились все вместе и покоились на красивой площади. Он собрал их еще для того, чтобы каждый, живущий в Мюнхене и каждый, приехавший туда, мог их видеть и им поклониться. Беспрерывной вереницей проходят люди мимо их могил в почетном храме. Впереди стоит вечная стража. Часовые стоят день и ночь, как в день поминовения у галлереи Полководцев. Каждый, переступающий это священное место, подымает руку для приветствия. Все приезжающие в красивый Мюнхен и на зеленый Изар, не упускают случая побывать в галлерее Полководцев, посетить Почетный храм на Королевской площади и поклониться мертвым героям.

9-го ноября вся Королевская площадь заполнена народом. Впереди у Почетного храма размещаются родственники покоившихся в гробницах. Затем прочитывают имена погибших. Вождь входит в храм и возлагает венки. Наконец, поется немецкий гимн и затем подымаются флаги и тем кончается праздник. Так 9-ое ноября стал для всех нас ежегодным большим праздником. Те, кто не могут быть в это время в Мюнхене, мысленно присутствует там и вспоминают Вождя и его соратников, положивших за него жизнь.

*

Дорогие друзья! Этот рассказ матери является обстоятельным ответом на вопрос о значении дня девятого ноября. Но в то же время помещенная выше короткая повесть свидетельствует о той любви к своей Родине, к своему народу, которой проникнуты немцы. Растите, воспитывайте и вы пылкую любовь к героическому прошлому своей Родины.

Аркадий Гаев.

1. На предпоследней остановке

На предпоследней остановке перед городом Шаули (Литва) стоит длинный состав товарных вагонов. У состава там и сям бродят люди, копошится между рельс детвора. Кое где перед вагонами горят костры, на кострах — котелки, чайники, кастрюли.

— Вот они, эвакуированные!

К нам подходит человек лет сорока пяти, в фуфайке и теплых брюках, в поношенной фуражке на голове.

— Шаравагин, Василий Родионович, волостной старшина Люболядской волости, Новгородского района, — рекомендуется он. — Извините только, что руки не первой белизны и мы сами не к параду готовились. Возле скота ходим. А это, — показал он на несколько человек, подошедших к нам, — мои старосты. Мы всю дорогу не оставляем своих.

Проходя мимо эшелона, мы видим в вагонах лошадей, коров, коз, овец, мешки с хлебом, картофелем, мукой; узлы, чемоданы и сундуки с домашней утварью. Кое где виднелись даже кроватки.

— Эвакуировались мы по собственной воле, — говорит Никита Алексеевич Алексеев, седобородый старик из деревни Кромы, Люболядской волости.

На остановках эвакуированным выдавали горячую пищу.

—Нам предложили, и мы не противились, — добавляет его земляк Кирилл Александрович Кириллов. — Знаем, что к лучшему.

— И нигде нас не обидели. Нет! — добавляет Устинья Константиновна Ильина. — Дали взять с собой все, что мы хотели. Для подвоза на станцию лошадей и машины прислали немцы.

Появляется 70-летний старик, Андрей Иванович Рыбкин, из деревни Нехина, Новгородского района. Послушав наш разговор, он вступает в беседу, говорит с задором, вызывающим улыбку у собравшихся соседей:

—Что о нас говорить! Встречают нас повсюду хорошо. Мы еще только выезжаем со станции, а уже звонят дальше, что поехали, мол, готовьте обед! И там встречают, и угощают обедом. Как на дачу едем. С собой захватили хлеба в сумки, а еще не доставали, не развязывали, хоть в пути 5 дней провели. Меня и старуху мою везут за границу на показ...

Старик даже «продекламировал» при этом строфу из Пушкина.

Кто-то заметил: «Веселый!»

—А чего унывать? — откликается Рыбкин. — Жена моя везет с собою всяких семян, на две деревни хватит! Если дадут хоть полгектара земли, ей-Богу, через 2—3 года помещиком буду!..

Не унывает русский человек. Много горя хлебнул он за годы советской власти, к кочеванию привык, и не пропал.

За то, что трудился крепко, что в хозяйстве достаток имел, вырастил 4 дочерей и 2 сыновей, дождался 13 внуков и накопил немного денег, — советская власть раскулачила Рыбкина. Трижды обозами вывозили со двора добро, а самого загнали на Урал, в нежилую лесную чащу. Но «кулак» — это трудяга-мужик. За лето и в лесу вырос распланированный по советским законам поселок «Москва» на 70 больших домов. А когда, отпущенных с Урала по старости, их не прописали в Ленинграде, отослали на 101 км, поселились они в Новгороде. С тачкой работал старик, платил налога 1000 рублей в год и ожил вновь. Вновь на банковской книжке значилось у него 10.000 рублей. Развела огородик и садик старуха.

— И семена всякие выращивала, и сад, — вставляет слово Татьяна Егоровна. — Яблоки, главным образом, выращивала, прививала их в почку, росли по метру за год, и урожай хороший давали потом.

—А морозы не били деревьев?

— И—и, родненький мой! Русский мужичок на морозе вырос сам, и то, что выращивает он — тоже не боится мороза. При немцах мы жили в деревне, лопатой пахали участок земли, а как было зажили снова!.. Теперь мы вдвоем, а и то государству сдали одних зерновых 65 килограммов, посеяли озимых 3 пуда. Урожай в этом году был такой, что года на два и даже на два с половиной хватило. Только бы жить...

Только бы жить! С приходом немецких войск русский крестьянин вновь обрел свое лицо, стал полным хозяином на своей земле, в своем дворе. Друг перед дружкой, побольше и получше трудился каждый для себя, не жалея сил, не боясь пота. И земля-кормилица вознаграждала. Жить бы теперь, да богатеть!

Но от опасностей войны приходится уходить в тыл.

— Не все захватил. Многое осталось, — говорит Михаил Лосев, — особенно сено. А тут может случиться, что и скотинку кормить нечем будет, — волнуется он.

— А в пути чем вы кормили скот?

— Давали нам и соломы, и сена.

— И на месте тоже дадут. Скотина не будет без корма.

—Да, наш комендант говорил это же самое.

— И он прав. Немцы уже если обещают, так выполнят, — вставляет старшина Шаравагин.

К полотну железной дороги подошла подвода. На телеге лежало много мешков — новых, немецких, с государственным гербом.

— Эй, раздавать хлеб будут! — пронеслось среди людей.

От каждого вагона по человеку, по два направились к повозке. Тихо и спокойно получили они «паек».

Без суеты, без шума и крика ходили люди вблизи эшелона. Они уверены, что положенное получат, что обещанное немцы выполнят.

Раздался сигнал. Все стали размещаться по вагонам. Поезд тронулся на конечную станцию.

2. На пересыльном пункте

Длинный состав вагонов подходит к площадке на станции Шаули. На месте, где должна производиться выгрузка, уже стоят распорядители, организаторы. Только-только остановился поезд, к вагонам подтягивают мостики, что бы не оступились люди, выходившие из вагона, чтобы удобно было им выносить свой скарб.

На пакгаузной площадке одна за другой растут горы узлов и мешков. В мешках — зерно, мука, крупа, картофель; в узлах — одежда. Люди, не мешкая, спешат вынести из вагона свое имущество, чтобы потом скорее перебраться на пересыльный пункт.

И там тоже не мешкают. Только подходит к концу выгрузка, от пересыльного лагеря подходят сюда подводы, машины. Немного погодя, вслед за нагруженными подводами и машинами, отправляются люди, ведут лошадей, коров, коз, овец.

В воротах пересыльного пункта прибывших встречает староста, Николай Николаевич Тимонов. По тому, как он со всеми успевает поладить, чувствуется, что человек этот бывалый, работал с народом.

Сам он из Орловской области, деревни Сенки. От большевиков еле ушел, когда те неожиданно окружили их деревню. А остаться никак не мог. Первый угодил бы на виселицу, потому что за свою работу получал награды от немецкого командования: бронзовую медаль с мечами — за борьбу с партизанами, и гектар земли — за поимку заблудившегося экипажа советского самолета (два майора и лейтенант) и захват самой машины.

— Помещайтесь во второй барак, а скот ведите туда! — наказывает он новоприбывшим.

— А сенца бы скотинке, — просит кто-то.

— Дадим, дадим. Только разместитесь раньше.

— Да мы...

Но Николай Николаевич уже занят другим. Оказывается, надо послать еще подводу за кормом, что-то не ладится с выездом в баню. Он спешит всюду, чтобы обслужить народ получше.

У двери барака собралась группа людей и оттуда доносится рев.

— Что это значит? Почему плачут?

К нам оборачивается молодая женщина. Лицо ее распухшее, влажное; глаза красные, полные слез. Черные волосы выбились из-под платка. Сколько ей лет — определить трудно.

— Да это я, Богдановская, выхожу замуж за селищевского, тоже Новгородского района, и мы с мужем уезжаем в деревню. Остаются тут еще мой отец, брат и сестра. Вот они и плачут, что разлучиться пришлось.

— Больше двух лет любили друг друга, живя по-соседски. Дома не поженились, а тут порешили сойтись, чтобы не растеряться значит, — поясняет другая женщина.

— Ну, поедем! — подошел жених.

Вблизи стояла подвода, груженая добром. Хозяин торопил новых своих поселенцев. Вот и плакали родные и близкие, как это водится в обычае на русской свадьбе, пока «свадебный поезд» не тронулся в путь.

Для переселенцев на пункте организовано питание: им выдают хлеб, 2 раза сладкое кофе, в обед — мясной суп. Для них обязательны дезинфекция и баня; и в обязательном порядке врачи проводят осмотр, оказывают медицинскую помощь. Не задерживаются люди в этом пересыльном пункте.

Спокойно, подвода за подводой, подъезжают литовцы к двери барака. Получившим документ на выезд в деревню, подводчики помогают грузиться. Раскладывают вещи на телегах так, чтобы обязательно посадить детей, стариков.

А взяли с собой переселенцы немало: 63-летняя Анна Демидова, из Богданова, едет со старшей сестрой. Они, кроме всякой утвари, привезли еще «хлебца», которого «до нового, пожалуй, хватит». Две другие сестры ведут лошадь, корову и, конечно же, ««захватили» зерна. Иванова Мария, из Люболяд, имевшая лошадь, корову на двоих и три овцы, привезла хлеба для себя и двух детей до нового урожая. Федосья Смирнова, крепкая русская женщина, лет 30, с пятью детьми и матерью, уезжает в деревню Говеначи на четырех подводах, поместив на одну из них и три козы...

Тянутся подводы одна за другой. Русские, уходящие подальше от ужасов большевизма, поселяются на раздольных литовских землях, у гостеприимных хозяев литовских хуторов.

Они устраиваются тут так, как не ожидали, — до своего возвращения на освобожденную родину.

Д. Емельянов.

Воинские части помогали русскому населению, подвозили их имущество на лошадях и машинах.

Никита Алексеевич Алексеев и Андрей Иванович Рыбкин с женой Татьяной Егоровной рассказывают о своей жизни русскому журналисту.

В пути следования русское население снабжали хлебом и продовольствием.

Поздно

Новелла

— Что-то я тебе хотел сказать. Всю дорогу думал об этом, а вошел в дом и забыл — сказал старый Гаврилыч, придя с работы домой.

Он, не торопясь, стянул с себя пальто, размотал шарф и повесил их на гвоздь.

— Что же такое? — повернула голову в сторону мужа, накрывавшая на стол, Кондратьевна.

— Да вот, что-то важное, будто жизненное. И, скажи на милость, как в трубу все вылетело.

— Известие какое или что?

— Вроде как известие, а вроде и не известие. Забыл, одним словом.

— Эх, ты! Беспамятный.

В голосе Кондратьевны прозвучала досада. Она была любопытной.

— Будешь беспамятным, — Гаврилыч устало опустился на стул и придвинул к себе чашку со щами. — Тебе бы на нашем производстве побывать, так и совсем голову потеряла бы.

— Ну, как же не беспамятный? Идет человек домой, помнит все, а в дом вошел и забыл. Хорошее дело.

— Ты — тоже! Нарочно я, что-ли? Вот, вылетело из памяти, хоть убей!

— Да ты сообрази хорошенько! Припомни, как шел, по какой стороне! Может оно опять в память придет.

— Нет уж. Видно, не придет.

Гаврилыч поболтал ложкой щи.

— А борщец того... еврейкостный, — сказал он.

— Что-ж ты хочешь? За мясом в очереди стояла-стояла, как проклятая, ан два-три человека не дошли, кончилось. Такой проклятый день! За керосином пол дня простояла — тоже не достала. Ниток катушку, вон, ухватила, и то, слава Богу!

— Житье, житье! — вздохнул Гаврилыч.

Супруги, молча, работали ложками.

— Так и не вспомнишь, чего хотел сказать? — не вытерпела Кондратьевна.

— Отстань ты! Приставать будешь — хуже не вспомню. Погоди малость, может само вспомнится. Что-ж, картошку-то не почистила?

— Куда такую мелкоту чистить? Жрать нечего будет, а еще чистить.

— Больно нудно лупить такой горох.

— И впрямь горох. А тебе что, некогда? На пожар спешишь?

— Не на пожар, а в шесть часов — общее собрание. Идти надо.

— Господи! Дня не посидит мужик дома. Тебя, что-ли, там не хватало?

— Ты что? Дура, или недавно из деревни? Да я рад не пойти! Нешто не знаешь, что будет?

— Господи! — возмущалась Кондратьевна. — Вот беда-то!

—Добро-б слушать было что. А то потреплются там некоторые: выполнить, да перевыполнить. Мне от этих собраниев уже так набрыдло, что хоть блюй.

— Да и сблюешь. Отдохнуть человеку не дадут после работы.

Помолчав Кондратьевна взглянула на мужа.

— Не вспомнил?

— Да нет же. Помню только, что — важное, жизненное, а что?...

— Может кого убили из советчиков? — понизив тон, спросила Кондратьевна.

— Такого ничего не было.

— Может закон какой новый — что-б жизнь полегче пошла?

— Да нет. Брось ты мне еще больше голову задуривать! И так ум за разум зашел.

— А ну тебя! — рассердилась Кондратьевна и принялась мыть посуду.

Гаврилыч взглянул на часы-ходики. Было четверть шестого.

—Время как летит, — со вздохом сожаления сказал он. — Надо собираться.

Он, не спеша, замотал шею шарфом, надел пальто, и, взяв в руки шапку, пошел к двери.

— Не вспомнил? — крикнула Кондратьевна.

— Вспомнил, — улыбаясь, повернулся к ней Гаврилыч. — Да теперь поздно уже.

— А что такое?

— Да когда я домой шел, помидоры соленые выдавали в нашем магазине. По два кило. Вот я и хотел тебе сказать.

— И очередь, поди, небольшая была! — всплеснула руками Кондратьевна.

— Да не дюже большая.

— Здравствуйте! — насмешливо-низко поклонилась мужу Кондратьевна. — Вспомнил когда! Теперь, конечно, поздно.

Анатолий Филиппов

Опасаясь прихода большевиков, русские крестьяне оставляют свое гнездо, свой кров и уходят в тыловые районы.

Разрешенные вопросы

Что такое ядро земли?

Даже почва, которую мы чувствуем под своими ногами, иногда колеблется и ненадежна. Что же находится в недрах земли?

Многие люди еще верят, что на известной глубине наша твердая оболочка земли граничит с огненно - жидким ядром, которое время от времени вскипает и напоминает о своем существовании вулканическими извержениями. Все это, однако, иначе. Жидкая масса (магма) огнедышащих гор находится в особых углублениях (карманах) не глубже 70 километров. Ядро же земли гораздо более сложного состава. Если мы допустим, что десятитысячнометровые глубины наших океанов по сравнению с величиной земного шара только капельки воды, остающиеся на учебном глобусе после вытирания его мокрой тряпкой, мы можем себе представить размеры диаметра земли, составляющего 12.700 километров. Пока, однако, мы в состоянии исследовать землю лишь до трех километров глубины.

Если бы мы смогли сесть в скорый поезд и проникнуть в недра земли, то увидели бы, что на протяжении 64 километров тянется твердая земляная кора, затем на 1200 километров простирается, так называемая, литосфера. Последняя состоит из самых тяжелых горных пород, в которых наши континенты плавают, как ледяные горы. 2100 километров нам пришлось бы проехать в жаре 4000 градусов и только после этого мы добрались бы до ядра из никкелевого железа, диаметром в 3000 километров. После четырех дней поездки в скором поезде мы вылезли бы по ту сторону вселенной. И когда мы, после такой поездки, с новыми знаниями прибыли бы домой, нас ожидало бы... новое открытие, что земной шар наполнен солнечной материей!

Открыты ли, наконец, истоки Нила?

Уже в течение нескольких тысячелетий люди занимались поисками истоков Нила. Открыты ли они теперь? Берет ли Нил начало из источников, вытекающих из двух медных статуй, как это предполагали в древности?

В прошлом столетии эта загадка была разрешена. Нил вытекает из озера Виктория-Ньянца. Самым большим резервуаром этого огромного африканского водного бассейна является Кагерак, или как его называют, Нил Александры. Истоки Нила — Ньяворонго и его крупнейший первоисточник — Рукарара.

Находится ли полюс на твердой земле?

Борьба за полюсы представляет собой особую главу в истории науки, главу мужества и бесстрашия. Всем известно, что, как Северный, так и Южный полюсы уже покорены человеком. Но знаем ли мы о них подробнее?Есть ли там твердая, годная к заселению земля, которую мечтали найти? Многие исследователи заплатили своей жизнью, чтобы узнать то, что теперь уже мало интересует обывателя.

Северный полюс находится в море под ледяным покровом. Южный же на громадном материке в полтора раза большем, чем Европа. С открытием Анктарктики, земля обогатилась шестым материком?

Главный редактор: Анатолий Петров. Издательство и редакция: Псков, Башенная № 46.

Цена отдельного номера 50 коп., месячная подписка 12 рублей